

Через месяц-полтора мир сдался на милость страха смерти. Оказалось, что он может сам по себе регулировать сложные политические и экономические взаимоотношения меж Homo Sapiens. Так что лозунг "Memento mori" оказался понадежнее идей прагматизма и пролетариев всех стран. Профессия политического лидера стала настолько непопулярна в народе, что приходилось опять таки под страхом все той же смерти сажать людей в эти страшные президентские кресла.

Да, а спички эти придумал я. Как я выжил – очень просто: я был мертв уже лет десять как, после того как меня убили и тиснули мою матрицу в большого, неуклюжего робота-андроида. Эти десять лет я открывал двери президенту.

**Г.МОСКВА
1996**

Глинский В.
М.: ЛИА Р. Элинина. 1996г.
при содействии М. Левиной

ISBN 5-86280-119-9

© текст, оформление
В.В. Соловьев, 1996.

Инаков вышел из троллейбуса и пошел гулять по городу. Навстречу попадалось разное, он это разное в упор не видел, как собственно, не видел и паренька из троллейбуса, который непременно сворачивал туда же, куда и наш счастливый дурак. К вечеру Инаков шел к дому и гадал, что его там встретит. Глупо улыбаясь он минут пять открывал ключом свою дверь.

В кухне его ждали суровые, не улыбающиеся люди. Инаков обернулся – сзади подходил троллейбусный персонаж с пушкой в руке и скукой смертною на молодом челе. “Ну что же вы господин Инаков? Проходите. Руки за голову. К стене. К стене, бля, я сказал. Ноги расставил”. Руки властно потрошили его карманы и исследовали каждую складку тела его.

“Так, Коля, запиши - пистолет системы “Beretta”, калибр... Шесть патронов к нему. Записка следующего содержания... бутылка шампанского, букетик. Ты гляди, Коля, какой террорист пошел – приземленный. Далее: пачка сигарет “Magna”, 300 долларов США, пятьсот новых рублей. Все.”

Инакову предложили пройти в кухню.

“Можете курить, г-н Инаков, пока можете” – сказал полковник, бесцеремонно разглядывая Инакова.

Инаков по привычке сунул руку в карман и нашел одну лишь надломленную спичечку. Полковник передвинул по столу сигаретку “Magna”, и пустой коробок. Ванечка закурил и все вокруг взорвалось огнем.

– Васька, мяч давай, я открыт, Васька! Гооол!

– Уходит, капитан, уходит же! Воды!

Спички горят быстро, через сорок секунд суровые, не улыбающиеся люди стояли растерянно в луже воды, разлившейся вокруг почернелого трупа Ванечки. А за окном пацаны все так же гоняли себе мяч от ворот к воротам и называли это футболом.

Ну что сказать напоследок. Мир с этой минуты не мог уже быть прежним. Приготовление спичек-убийц оказалось делом гораздо более легким, нежели приготовление самогона. И вакханалия террора прошла по земле, минуя границы, бетонные стены бункеров. Воланд был прав – мы все действительно оказались излишне внезапно смертны.

“Прямо как жизнь моя” – юродствовал пьяненький Ванька-сыщик – “почему, именно, сигарета? это наверное, чтобы я и умерто не как подобает мужчине.” И здесь решила его уесть эта золото-волосая девочка-королева.

“Ну и пусть, и пожалуйста” – пела его душа, отлетая в манящее и неведомое.

“Ну и пусть” – шепнул Инаков и закрыл глаза.

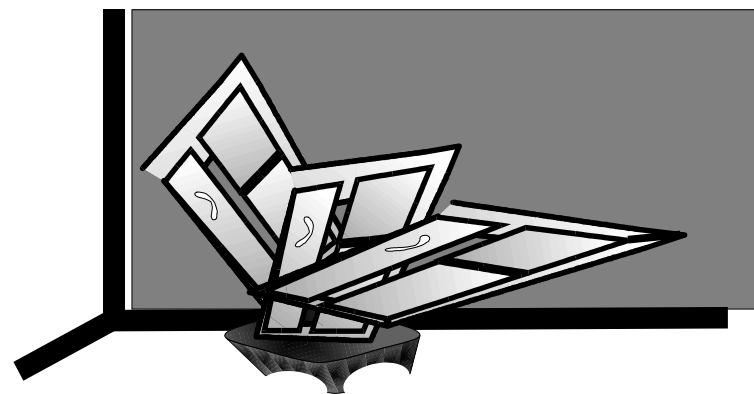
Проснулся он от заразительного, до боли знакомого, колокольчатого смеха. Инаков приподнялся, но застучало в висках и он со вздохом завалился на подушку. В комнату вошла улыбающаяся жена.

“Ты что это, Ванечка, с жизнью решил попрощаться? Я тут тебе подарочки со скуки решила оставить, да кроме сигаретки и не нашла ничего. Да, ты не вставай, не вставай, сердечный.” Она присела-полулегла на его постели и рука ее змейкой поползла под одеяло: “Ну, я же говорю тебе – не вставай. А то перетрудишься.”

Рука расстегивала молнию, а бегающие (и оттого всегда казалось, что хитрющие) глаза ее бесшумно пожирали Инакова. Он обхватил руками ее как-то сразу посерьезневшее тело.

Когда Ванечка проснулся в очередной раз (а это случилось стало быть на следующее утро) он нашел на кухне спичку, сигарету, записку: “Ванечка! Это тебе на вечер. Целую.”

Ванечка вышел на улицу. Солнце поджаривало город на сковородке Садового кольца. Деревья не спасали, да их можно сказать и не было, остатки их сами пытались спасти остатки своих куцых крон в тени зданий. В троллейбусе, проезжая МИД, он услышал, что скончался, сгорел на рабочем месте обрыдший уже всем Президент. это событие обсуждал весь троллейбус. Ванечка тоже решил поучаствовать и сказал соседу: “Интересно, кто будет следующий?” Парень подозрительно посмотрел на него и спросил ехидно, с подковыркой: “Это в каком же смысле, уважаемый?” “Я в смысле – кто Президентом у нас будет. Интересно ведь. А вам разве безразлично?” “Кто надо тот и будет.” – ответил парень.

О, этот кнут! сплетенный небрежно из голосов друзей,
Таких разных, но вновь жаждущих словопротития.
И пастырь незнания выводит слова к молитве
Прежде, чем их бросят в наступление.
А пока на бастионах ночь, но сон не имеет смысла,
И полоумный комендант сгребает листья лопатой.
Он с помощью Высшей Математики знает
Миллионы вариантов протития звука о камни,
Он помнит нечто похожее на вторжение
Шуршащих слов на холодные улицы.

Дождь поседел и рассыпался хлопьями –
 Вновь не дождался, играючи с листьями:
 По млечной дороге бубенчики осени
 Метели на лунные просеки ссыпали.
 Они собираются белыми стаями
 И, завывая и щелкая ветками,
 Шаманят опавшими с простыни снами –
 Их в длинные косы взлетая, вплетают
 И рассыпаются, и засыпают.

Девочка раскладывает чашечки по скатерти
 Под крышею дома, где живет гроза.
 Игрушечные гости, конечно, не опаздывают:
 Они пришли, уткнулись в блюда и чинно ждут чая.
 Но вот с балкона этого дома свесилась туча,
 И кто-то сильной рукой забарабанил в стекла:
 Это к нам – это снова гость серебристый –
 Желанный дождь пришел плясать под окошко.
 Но игрушечные гости – ноль-внимания:
 Они давно уже выпили чай понарошку,
 И с крыши стекают капли, скучая.

новехонький, даже целка не порвана, но пустой. Так, еще – отдельно лежащая спичка. Про нее вообще сказать нечего. Сигарета – хорошая сигарета по нынешним временам. Зачем это нам было дано – тоже абсолютно понятно – чтобы он, Инаков, взял коробок, спичку... Сигарету в зубы, коробок в левую, спичку в правую руку. И покурил бы напоследок. То, что это было бы напоследок, Инаков даже и не сомневался. Кто это все мог подстроить – тоже ясно. Ну кому могла встать плохенькая хрустальная рюмашка поперек горла? Кому помешала медная табличка, знак его самостоятельной жизни? Правильно – жене. В конце концов не зря же этот плюгавенький, богатенький клиент заслал его на другой край Кормысла. Вывод: он, Инаков, в данный момент исторического развития нашей цивилизации своим бранным существованием встал бывшей супружнице поперек ее блистательного пути. Возможно, все дело в квартире.

Нет! Инакова аж передернуло. Хотя с квартирами, конечно, было туго. Но ведь жизнь и квартира неравнозначны! Ну почему – неравнозначны?! – смеялся г-н Инаков-сыщик.

Но ведь любили же мы...– протестовал тот старый Ванечка Инаков.

Но ведь не друг друга. Да и кто, собственно говоря, в минуты наслаждений роковых голову клялся положить за любую прихоть. Так что – клади, Ванечка, свою головку на алтарь и не выживайся.

Если бы, конечно, не был Инаков к этой минуте столь пьян, да не было бы в его сердце застарелого дерьма, с которым легче сдохнуть, чем жить (он и в сыщики потому пошел: самому – страшно, а так глядишь кто-нибудь да и подстрелит), да если бы этот сморчек-клиентешко был поприятней, то не стал бы г-н Инаков такое дело совершать. Но кровь, обида, дерьмо – все это перемешалось и ворвалось в дурную его голову. И Инаков, г-н сыщик Ванечка Инаков, решил. Честь по чести – написал записочку: “Спасибо, родная, за наше счастливое детство.” Вылил остатки джина в стакан. Сгреб в горсть подарочки и завалился на тахту. Поджег спичечку. В голову лезли глупейшие мысли, не

подобающие моменту, типа – ну, почему, почему его жизнь (жисть-жистянка) так дешево стоит и, самое главное, почему он ее так дешево ценит; почему спичка так быстро горит.

53

Ну и в-третьих. В-третьих, на Инаковской двери отсутствовала медная табличка. Сама дверь тоже игнорировала свое законное место и лежала на полпути к светлой кухоньке. Теперь уже бывший сыщик и г-н, Инаков с буквой “о” на устах вглядывался в кухню. Было такое ощущение, что он вдруг, сидя в кресле, расслабленный кофейком, увидел перед собою облизывающуюся львиную морду, которая, правда, почему-то пока его не ест.

“Это как же это?” – сокрушенному ему понялось, что его маленькая спокойная квартира была изнасилована чужими людьми. Он боялся теперь своей квартиры. Он сомневался, что она все еще принадлежит ему.

Обреченно он шагнул. И вот тут-то на столе он в первый раз увидел. Правильно – спички. Вернее, одну единственную спичку, рядом пустой коробок родной Балабановской фабрики и услужливо оставленная непрошеным гостем сигарета “Marlboro-Lights”.

Инаков судорожно вздохнул и направился к барчику, под ногами хрустнуло стекло. Инаков нагнулся – от старой доброй хрустальной рюмки целой осталась только тоненькая, отдельно взятая ножка. Рюмка была единственной вещью, которую он заныкал от жены во время раздела их супружеского скарба. Раздел проходил по нехитрому принципу Папондопуло: “Это – тебе, это – опять тебе, это – снова тебе и т.д.” Короче Инакову остались стены и внутреннее женой ощущение собственного скопидомства как зеркало ее щедрости и широты души.

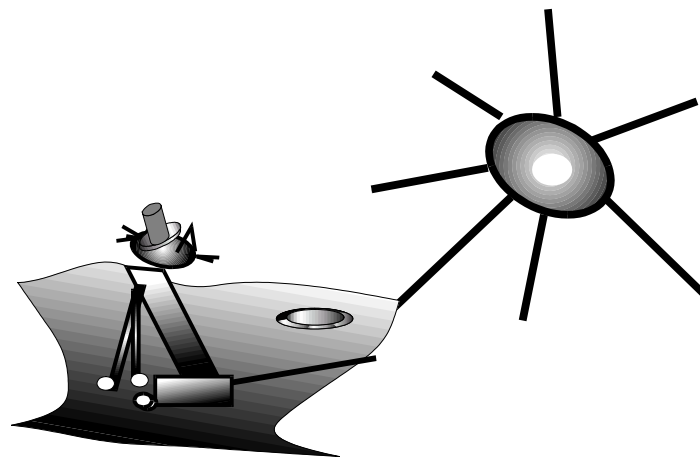
Инаков набулькал в стакан джина. Тоника не было, да он и не баловался такими изысками. Отхлебнул и со стаканом прошел в комнату: можно было отдать голову на отсечение, что гости здесь (или гость, черт бы его). Так вот оно здесь не бывало. И это значит, что кому-то нужно было сломать дверь, содрать с нее табличку, и все это за ради того, чтобы сделать ему презент в виде сигаретки. Он подошел к двери, поставил стакан на пол, поднял дверь и прислонил ее к косяку, потом поднял стакан и, отпивая джин маленькими злыми глотками, направился в кухню.

Он уже порядком надрался, тупо разглядывая три злополучных предмета. Ну-с, что было нам дано – коробок,

52

НЕЗАБЫВАЕМАЯ ВСТРЕЧА КОТА С ЛИВЕРНОЙ КОЛБАСОЙ.

Печальный господин в белых перчатках,
Уронив усы, уставился в ливер.
Я бы сказал, что он – крепко задумавшись,
Когда бы не явное наличие придатка
В виде хвоста, чей презрительный выверт
Исключает его из разумного мира.
И белая перчатка перевернула ливер,
Брезгливо звякнула грязною миской,
До смерти напугав старого таракана,
Решившего вдруг, что власть изменилась...
Но в кухню шагнули разбитые шлепанцы,
Голос сверху пропел: “Заррраза!”
И руки ткнули печального господина
Носом в столь отвратительный завтрак.

бюргерский пистолетик, лежащий в верхнем ящике бюро под бумагами и презервативами. Его обойма была полнехонька. И это было во-вторых.

“Все нормально”,- сказал себе г-н Инаков – “все великолепно, кто-то меня предупредил.” Он бодренько встал, вставил обойму, отряхнулся и пошел к лифту.

ДУРАК, ИЗМЕНИВШИЙ МИР.

Во славном граде Великое Коромысло в панельной двенадцатиэтажке на одной из окраин (то, что называется “в ебенях”) жил частный сыщик господин Инаков. Господином он был уже года два как, поскольку заказал тогда у местного гравера в универсаме табличку “Частный сыск. Г-н Инаков”, и, посвистывая, приколотил ее на дверь своей квартиры. Потом он сходил на рынок и долго торговался с настоящим грузином, эмоционально цокающим языком. Они раз пять разбегались врагами по разные концы рынка, потом помирились словно родные и в конце концов хлопнули по рукам – новоиспеченный сыщик Инаков бережно положил в протянутую ладонь грузина свой любимый золотой портсигар, подарок жены, сверху присовокупил блок “Lucky strike” и бутылочку “Samus”. От грузина же он получил завернутую в тряпочку пистолет системы “Beretta” и в довесок пару гранат. Один гранат был цвета марганцовки, но сочный и дорогой, а другой, поменьше был “лимонкой” и стоил, конечно, дешевле. Но Инаков все равно был рад – он давно мечтал начать новую жизнь, но все как-то... а вчера ушла жена с каким-то китайцем и он понял, что либо сейчас, либо... – грузин цокал языком, сокрушенно качал головой и, подмигивая обоими глазами сразу, пытался вытянуть свою руку от распоясавшегося восторженного Инакова. Но тот и сам вскоре засмутился и поспешил домой. Подойдя к своей двери он полюбовался табличкой, достал зачем-то из кармана брюк “беретту”, потом ключи. Торжественно открыл дверь и вошел в свою квартирку уже частным сыщиком г-ном Инаковым.

С тех пор, за эти два года, он приобрел приличную практику и стабильный авторитет в среде жителей окрестностей как человек солидный и, что немаловажно, могущий в свои 25 и лимонкой по столу шарахнуть где надо, да и предупредить кого надо, покручивая пистолетом, чтоб сэкономили керосин и вносили заблаговременно квартплату. Раз десять он возвращал обрадованным родителям негодующих дочек. Пару раз в него стреляли, пару раз он в кого-то стрелял, что, естественно, только упрочило его авторитет. Жил он по нынешним временам

БАЛЛАДА.

Рыжебородый чужеземец, приехавший издалека,
Подарил тебе чудный гребень –
Олень, горделиво склонивший рога
Под водопад

тяжелых кос

моей богини.

И под вечер, распродав товар, он зашел к тебе
Посидеть, испить вина, рассказать о стране,
Выпавшей из лап Большой Медведицы
Аляпистым платком туземки-модницы
На спину многогорбого верблюда,
Под тяжестью которой пал грядую гор.

Много покружила над потерей Медведица
Пока платок не придавила крепость,
Брошенная сильной рукой народа,
Журчащего железом в тигле низины.
В крепости люди вымостили площадь
По болоту из белого камня.
И на ней каждый вечер поклоняются в храме
Черной Собаке,

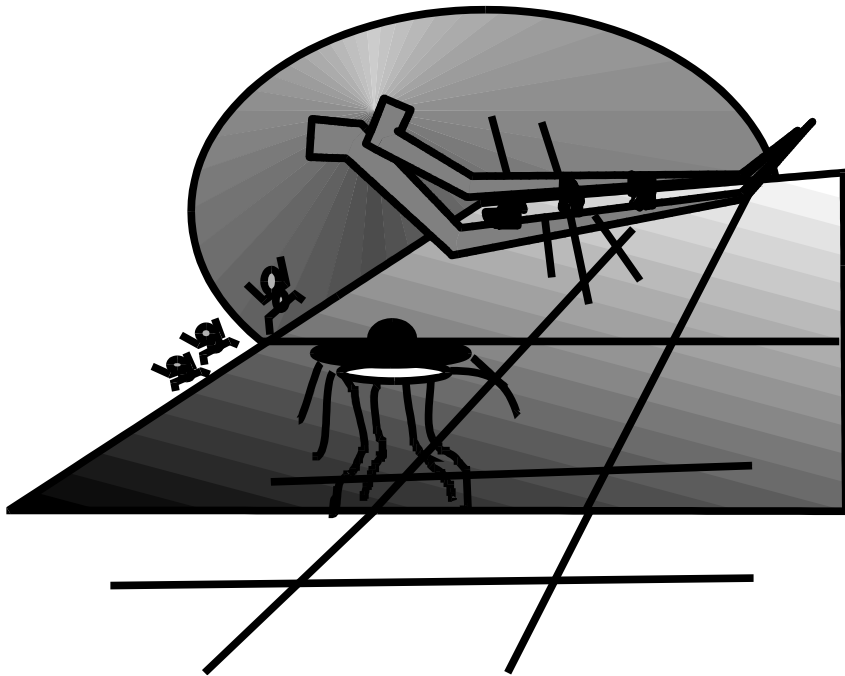
умеющей включать звезды.

И небо ссыпает драгоценную дань на золотое руно,
Лежащее перед конурой Собаки,
Умеющей хранить молчание, когда
В городские ворота проходит Ночь.
И тогда золотой рожок Охотника объявляет
О начале игры, и прячущийся достает из тайника
Божественные крылья из перьев и воска.
А люди одевают доспехи, закрывают ворота,
И разжигают костры...

А утром в них догорают крылья.

И смелые люди расходятся по домам,
И пьют за победу над Имевшим крылья.
А побежденный на честно заработанный золотой
Греется вином во славу Собаки,
Не дающей загнуться под забором от голода.

Так говорил чужеземец с бегающими глазами не хмелеющий
от вина.

1-й телефон: “А это я, Ромка, решил вот позвонить.” (гордо, сквозь хихикание друзей)

2-й телефон: (злорадно) “Ладно, Катерина! Был – значит был. Щас туда и поеду – отмечусь. Все!” (хлоп телефонной трубкой наотмашь)

1-й телефон: (затаив дыхание) “Как это ты меня узнала? А я же хотел позвонить – у нас училка заболела.”

3-й телефон: “Катюш? Ну немножечко сухенького? И поесть чего, голодные мы ибо.”

1-й телефон: (звеня восторгом) “По матике! Да, первого урока не будет.”

3-й телефон: “Как это кто? Я, Дрюша и Вовик.”

1-й телефон: “Пошли. Здесь еще Мусик с Еникеевым.”

3-й телефон: “Да мы на немножечко, Катюш. Посидим – по-свистим.”

1-й телефон: “К русскому точно успеем. Витька вон билеты взял.”

(Открывается дверь второго телефона. Нервно загулял по цифрам кругляк диска)

2-й телефон: (виновато) “Ну ладно, Кать. Не был я честно... Я домой хочу в конце концов.”

3-й телефон: “Ну да? А чего дома-то сидеть. Я с благоверной в соре, сковородки летают, ага, – погода летная.”

1-й телефон: “Катя, встречаемся у Васькиного подъезда. Ну ладно.”

2-й телефон: (укоризненно) “Катрин?..”

Вовочка: Мама, а горячая вода кончится?

Мама: Почему же? Закроем кран – не пойдет, а откроем – снова пойдет.

Вовочка: Нет, кончится.

Мама: Почему, Вовочка?

Вовочка: Но ведь все кончается.

– Брось ее, Ленка! Ну ты же ухайдакаешь ее! – это мужской басок торговца пивком.

– Нна! – и деловито присела рядом, как на прополке, приподняла разбитую репу: – Ведь ты – мать, дрянь! Ты посмотри, ребенок тебя боится! У-у-у, мразь. Приходила б и пила бы со своими кобелями одна! – и об асфальт, и за волосы, и с азартом. Дидактический мужской голос торговца, оттаскивающего спортсменку вглубь торгового ряда:

– Ведь ребенок к маме своей идти не хочет – боится. Он даже не знает где живет, только “Подмосковье” он и помнит, тварь ты поганая.”

Из разбитых губ злое к пацану четырех лет:

– Иди сюда! Я сказала – сюда!

Мальчик весело играет в “я не хочу”, хитро улыбаясь прячется за шипящего дядю. А с заднего плана выходит на очередной разбег спортсменка.

Вовочка: Мама, когда будешь рожать меня во второй раз, роди меня удавом. Пожалуйста.

Мама: Зачем тебе это?

Вовочка: Я буду разговаривать и шипеть.

Три красных будочки. Три бесплатных телефончика. У первого телефончика мальчики-зайчики, у второго – дядя с длинным носом, а у третьего телефончика – хрен, с ветвистыми рогами олень.

1-й телефон: “Але! А Катю можно?”

2-й телефон: “Ну че ты лепишь? Не был я там.”

3-й телефон: “Катюш? (вкрадчиво) А ты че сегодня пьешь?”

2-й телефон: (передразнивая) “Где? – на бороде! Катрин, я те русским языком...”

1-й телефон: “Кать, это ты?”

2-й телефон: (кипя и вздрагивая) “Блядь! я русским...”

3-й телефон: (уныло) “Значит, сегодня ты вообще не пьешь?”

Ну конечно же – я не прав.

И не надо искать сапоги:

У моей двери вредный нрав.

Я поэтому здесь один.

И не надо смотреть в глазок,

Наблюдая соседский глаз:

Все одно там никто не живет,

Он повесился год назад.

И не надо искать причин –

У звонка его вредный нрав.

Он поэтому был один,

А теперь даже нет звонка.

Ну конечно же – я не прав,

Только за полотном окна

Мне мерещится пустота

На заброшенных пастбищах крыш.

МАНОК ВЕСНЫ.

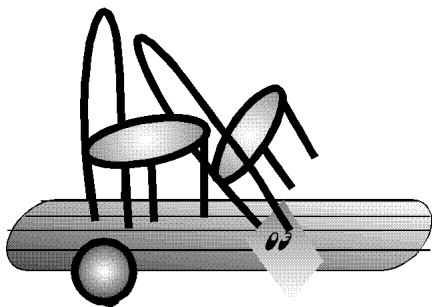
Веселый радист поющий во мне, для меня

Морзянку птиц, режущих перьями холод.

Я знаю – это Хозяйка капризной погоды

Спустила псов на тропу войны.

Охота на птиц. Я в ней охотник, манок,

Я – жертва манка,
Поющего чужой полет,
во мне, для меня.

9

НОЧЬ ДРАКОНА.

Когда я был золотым драконом –
Уносил тебя к океанам,
Кипарису, маису.. Не помню,
Что росло в этом нашем Китае.
Но ты помнишь – я был коронован
Злым соседом, разбившим нас стекла,
Когда я запел песню Солнца,
Разливавшего день в гаоляне.
И, под светом его намокая,
Мы от тяжести на пол стекали.
Но соседу Китай неприятен
И тем более если стихами.
Он сказал: “Ты – король идиотов!”
Он сказал: “Я простил бы незнание
Языков и растений, цветущих
В этом вашем дурманном Шанхае.
Но...” – сказал он и скучно заплакал
И ушел, убелен сединою,
Одиночить себя в дом напротив,
И дразнить взгляд познанием ОЭ.
А наутро купил он мне шторы –
Голубые с желтым драконом.

10

“Не знаю, дети,” – честно вздохнула воспитательница: “когда-нибудь да и наступит. Если не при нас, так может вы доживете, а если не вы, так дети ваши.” – добавила она и спохватилась: “Дети, дети! А теперь спать. Ну-ка в кровати. Я кому сказала?! Спать! Все – баиньки.”

Каждый человек куда-то идет. Инженеры, фрезеровщики, учителя, дворники трясутся в троллейбусах или качаются, повиснув на поручне, в густо-заселенном голубом вагоне. Музыканты, поэты, карманники бредут по ночным улицам, нелепо вымахивая руками тайные знаки каждому попутному четырехколесому другу человечества. И все это только для того, чтобы дойти. До дома, до работы, до магазина, до тусовки, до ближайшего столба наконец. Не улыбайтесь – у каждого своя мера, свой стакан.

Если цель уж слишком далека – человек едет на вокзал или в аэропорт (если это, конечно, белый человек). Он покупает билет.

Если человеку просто некуда – он идет в зал ожидания. И там он переживает свое бесцелье. Обычно, по невинности он надеется, что вдруг ба-бах! и спустится к нему с небес, благоухая, сверкая блестками и мельтеша обильным своим присутствием, совсем новая, ничья еще, высокая-высокая цель. Несчастные они уроды, скажу я вам. Их можно узнать по потухшим глазам и атавистической привычке облизываться безо всяких причин.

Таким и жить-то незачем по моему мнению. Их надо просто и без эмоций убивать. И начинать надо с меня, родимого.

– Ох, ох, ох, ох – что ж я маленький не сдох?! – и под магнитофонный хрип – Нна! Сука! Нна, подстилка! – азартно, с осознанием себя Отечества героиней, пробивалась из рук оробелых мужчин спортивного вида стерва, и забивала 39-го размера кедом очередной гол в солнышко молодой, расплывшейся у вокзального турникета, бабе.

– На! сука. – весело, до хрипа.

47

открывается и она нервно тыкается своим холодным носом где-то в районе митрального клапана. Я чувствую ее горячее частое дыхание.

“Дурочка!” – говорю я ей: “ведь сердцу моему слишком жарко. Ну не хочешь ли ты сварить его вкрутую?!” Она презрительно фыркает и обволакивает сердце маленьким пушистым тельцем.

Эта серая мышь не любит некоторых моих друзей, слова, имена, даже названия некоторых городов приводят подчас ее в неудержимую ярость и она перебирает своими острыми коготками...

“Мне больно!” – кричу я ей, и тогда моя мучительница плачет и холодные слезки валокординовые кап-кап-капают... и мне становится неловко. Ведь она любит меня, черт возьми! Возможно. Да и могу ли я быть столь жестоким к ней?

А сегодня выяснилось, что она жутко ревнива. Правда, правда! Она ревнует меня ко всем женщинам старше 6-ти лет.

“Глупенькая мышка!” – шепчу ей: “ну что ты переживаешь? Уже никто из всех этих женщин не будет так близок ко мне как ты, гордый зверек, живущий в сердце моем!”

И она засыпает. Ей некуда торопиться. Она знает – мы теперь будем вместе до самой смерти. Моей. И тогда мышка покинет меня и уйдет к другому. А может быть и нет? Может они умирают вместе с нами и как наложницы за фараоном следуют за нами в

Горние Сады? Да и кто знает, куда уходят мыши после нашей смерти.

“Дети!” – говорила воспитательница – “Запомните, в Советском Союзе у детей счастливое детство. У них самые лучшие в мире игрушки. Они весело играют, купаются в море, загорают.

В Советском Союзе дети постоянно окружены любовью со стороны взрослого населения. И взрослые приносят детям великолепные подарки, фрукты, конфеты...”

Вовочка захлюпал носом и ткнул в упругие коленки воспитательницы: “Тетя, а когда наступит Советский Союз?”

46

ВЕЧЕР.

Одинокая свеча чертит радугу на белом
И стаканы неумело мажут мелом два лица.
Видно бес попутал дело.

А во тьму приходят звери,

словно дети на качели

И, играясь, осаждают два сутулых естества.
Хмурый лев сопит у двери.

Вечер за оконцем синий разложил скупые линии
От фонарного столба, тихой улицы, аптеки,
По привычке не приметив нас за контуром стекла.

СВИДЕТЕЛИ.

Топыря щеки, по-медвежьи навалившись на стекло,
Обтрепанный хомяк елозит лапами по грани,
Разрезавшей пространство на жилье и то,
Что за пределами жилья зерно роняет на бумагу,
Его спасая от голодной смерти.

Ко всем нам с детства вживлена игла
Как камертон нависшего скандала,
Его должно быть нам и не достало,
И по утру, уткнувшись лбом в окно,
Приплюснутой ноздрей вдыхаем белый запах,
С руки дрожащей в банку капает пшено
Как пух в сердцах растерзанной подушки
На спины пешеходов и собак.

11

14-ОЕ АВГУСТА. ЗВЕЗДОПАД.

Чей-то пес, урча, из темноты мокрым пятном выступает
Шорох листьев напрасен – не скрыть ему таинства утра:
Ночью слышались всхлипы простуженной вусмерть реки,
Избиваемой парюю весел в руках Браконьера.
Чу! два упыря вниз по реке, гремя котелком, прошуршали.

Восторженный дятел листает секунды полета змеи.
Так много знамений вдруг выпало – цифры углей
сквозь кострище.

Над пагодой желтой палатки блуждают и никнут огни
Выцветших глаз шестикрылого сонного стража.
Это – дракон, задремавший над нашей поляной,
Серой тушей своей гасит жгучие стрелы Персея.

СЕНТЕНЦИЯ.

Мой милый Капитан, прочтя на сон пугливый
Устав как злой романс, как рванное танго,
не бойся ничего, ни черта, ни могилы –
ныряй крутым виском в дырявое манто
мохнатого окопа, что рыли в прошлый Вторник
плюгавенький сержант и пара рядовых,
имен которых, к счастью, история не вспомнит,
к тому ж – ее ушли, как впрочем нас троих:
мы все паслись тогда в полях ее сражений
и, напоследок ухнув, уплыли в тар-тары.
Прощай, мой Капитан. Истории полезны
лишь только если в них болезни не стары.

12

– Тема нашей лекции – разновидность любви. Лекция с показом слайдов. Бывает любовь мужчины к женщине...

– Слайды, слайды!

– Бывает, так называемая, голубая любовь – это любовь мужчины к мужчине.

Из зала:

– Слай-ды, слай-ды!

– Бывает розовая любовь – это любовь женщины к женщине.

Из зала:

– Слайдыыыы!

– А бывает страстная любовь к Отчизне. Вот теперь и пойдут слайды.

Я ползу в кровавом дерьме по знакомому шершавому телу
моей возлюбленной. Я помню каждый когда-либо томивший меня
изгиб его. Оно знало меня когда-то. И оно примет меня рано или

поздно. Я успокоюсь и войду в него достойно мужа пред Всевышним. И старец понимающе кивнет головой, отмыкая ворота рая. Но здесь и сейчас я чужой. Они, овладевшие возлюбленной моей, в любую секунду вскинут ствол и дошьют меня обжигающей строчкой свинца.

Но я приполз к тебе, любимая. Я приполз к тебе умирать. Вот она – прохлада знакомой ложбинки. Кровь, покидая меня, вконец сольется с твоей росой. Тогда я кончу.

Я – твой нелепый партизан в грязном бушлате, умираю в пригоршне заболоченной низины, обвис на паутинке колючей проволоки. Глупый багровый цветок распустился на зеленом сукне под моей лопаткой. Запоздалый октябрьский цветок. Еще один – в букет для моей невесты.

По шоссе грохочут сапоги твоих многочисленных мужчин.

Во вторник, в семь часов пополудни в сердце мое нагло вселилась серая пугливая мышка. Сейчас она опасно копошится под каждую новую песнь скрипучей двери. Дверь

45

Эдмундович или герой-партизан, по крайней мере. Только глаза усохли. От времени что ли?

Ослиноголовый. Сидит, сияя улыбкой во всю ширь щек ослиных, чуть наклонился к ногам, согнутым в коленях. Сквозь сведенные ноги пробиваются кверху его грустные руки, взбухая между ног корявым фаллосом. А я посмотрел на него в профиль – а он сидит тоскливый такой, оказывается. Дошел до стадии умного осла – все понимает, но понимать-то уже и не хочет.

“Ты замечаешь, Вася, насколько вокруг стали атеистичными лица. Видишь ли ты в них тоску по томлению по отсутствующему в сердцах их Духу Святому?”

“Нет. Не вижу.” – говорил Вася грустно.

“И не увидишь. Нет в них тоски, а одна только гулкость пустующих сердец. И вот ведь что интересно – они-то ведь и не страдают. Замечал ли ты в их глазах страдание?”

“Нет, Вовочка, не страдают. Страдание – это наш удел.”

“Да.” – мужественно согласился я на роль страдальца...

“Ты же знал, что они бляди?” – взглянул на меня искоса Вася.

“Знал.” – искренне удивился я и... не заплакал. Почти.

“Все просто, Вовик. Господь наградил их блядством в качестве восполнения ущерба от мук их. Ведь посмотри, что они, суки, делают. Они все, почти поголовно, когда-нибудь рожают. Вот ты когда-нибудь рожал?” – спросил он меня подозрительно.

“Нет.” – неуверенно я ответил.

“Вот! За это они нас и ненавидят. Всегда. Они рожают, а мы не рожаем. Значит твари мы для них последние и можно с нами только трахаться.”

Дверь массивно поехала от меня и защелкала тяжелыми запорами упрятыми во чреве ее, она продолжала меня ненавидеть.

На улице хлюпал снег. В выбитое окно была вставлена фанера. На ней читалась карандашная надпись: “ $1+1 \neq 2$, ибо $1+1$ – это все еще только $1+1$, а 2 – это уже изначально $2!$ ”

Фанеру страстно и сочмоканьем целовали частые хлопья мокрого снега.

44

ПРОРОКИ.

“12. Елисей же смотрел и воскликнул: отец мой, колесница Израиля и конница его! И не видел его более. И схватил он одежды свои, и разодрал их на две части.

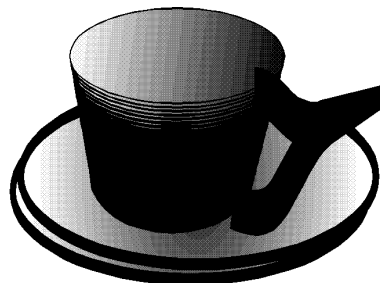
13. И поднял милоть Илии, упавшую с него, и пошел назад, и стал на берегу Иордана.”

4– ая книга Царств.

И можно биться головой о стену,
Можно разбить (голову или камень),
И можно

спуститься с горы и бросить
Толпе пророчествующих:
“Я убил Его. Нател!
И вот я стою перед вами.
Побейте меня камнями,

Если есть закон и есть судьи.”
И вот я сижу на камне,
на котором я убил Его,
Под которым лежит тело Его,
И пью воду, которую бы пил Он.
И не знаю теперь кто я?

Ибо я родился, а Он – умер.
И кто вправе судить новорож-
денного?
Что ж, можно биться головой
о стену.
И можно разбить (голову или
камень).
И сказать пророкам:

“Был Илия на горе. И забрал Господь Наш, Яхве,
Илию к себе в золотую телегу.
Говорил мне, убогому, Бог Мой, Яхве, –
Иди к этому дерьму, наделенному языком,
И будь ему посохом на пути ко Мне.”
И кто мне скажет: “Ты убил Его.”?
Никто...

И значит можно биться головой о стену.

13

ПАСТОРАЛЬ СТЕКЛА.

И вновь сползает хоровод
Последних, тайных сумасшествий
С каймы ликующей на дно
Фарфоровое, где под спудом студня
По центру блюда милое лицо
Так жадно и уныло просит чуда,
Но чуда нет и славный сонм гостей
Упился и уснул, сочтя посуду.
И лишь свирель, немея, льет
Напев невнятный по окружью луга.

Увы! Художник не вписал амура
В мирок фарфоровых тенет.
И здесь подсудно все, пастушья дева!
Нелепо так желать Париса,
Когда судьба, хрипя, обвисла
Над мутной скатертью стола.

14

Он вздрогнул, психанул и хлопнул окошком. Мент, сидящий рядом с ним, начал тихонько со значением привставать со стульчика. Я пошел дальше. Чего мне взять с них дураков, а уж с меня-дурака и тем паче.

И когда умер Великий Наркоман Вася, со всех сторон нашей обдолбанной capital-city собрались несчастные собратья его. И попытались они пройтись, не разбредаясь и не теряясь, по улице Герцена. Но они все равно разбрелись и потерялись по переулочкам и закоулочкам да по подъездам. И лишь двое из них доковыляли до

выхода на Манеж. Там встали они неловко у светофора и попытались вспомнить к чему вся эта фенечка была. А над задумчивыми их хаерастыми головами плескался в заснеженном воздухе транспарант: “Ты не умер, Вася! Ты – просто гонишь.”

Дверь защелкала вставными своими запорами и массивно поехала в мою сторону. Она была тихо беременна моим другом и почему-то меня ненавидела.

Сидели на табуретках на кухне, баловались чайком, заедали сухарьком. Плакались в тряпочку. Я говорил, что все понял, только вот *что* понял сказать не получается. Немеет, говорю, язык, немовствуют уста. “Не прет истина, Вася! Недавно проснулся утром – кошка на грудь прыгнула, за окном снег шуршит и ощущаю, что *все*, чем до этого утра мучился, *все* это наконец и понял, а хочу охватить это *все* и не могу. Дошел, наконец, до стадии умной старой собаки – все понимаю, а сказать-то и никак.”

А Вася пыхнул косячком и уронил из цветастого рукава на гулкую деревянность стола две фигурки.

На постаментике – статуя. Палач. Стоит гордо, экзистенциально уронив к ногам топор. Возложил руки тонкие, пианистические на длинную ручку. Она – полированная и сверкает матовым затертым рукавицами деревом. И в фигуре его дремлет могучее значение, словно он – Иван Сусанин, Феликс

43

А я уныло засвистел и спросил ее: “Девочка Надя, а че тебе надя?”

А она ответила: “Твоего присутствия и моего права на перманентное отсутствие. Но чтобы каждое мое отсутствие завершилось твоим еще раз окончательным присутствием.”

А я спросил: “А можно, когда ты будешь отсутствовать, то и я буду отсутствовать?”

А она ответила: “Нет, Вовочка. Отсутствовать буду я, а ты будешь присутствовать. И такова твоя мужеская доля.”

А друг мне вчера сказал:” Бросай ты ее, дурик. Сука она. Тебе тоже надо жить. Ведь каждому человеку надо жить.” – сказал он и хлебнул стакан чая, и сожрал бутерброд с колбасой, и закурил сигарету “Опал”. Я тоже закурил сигарету “Опал” и томно спросил, запивая бутерброд с колбасой холодным чаем: “А зачем, Вася?” “Надо, Вова.” – мужественно произнес друг и затушил окурок в банке из-под майонеза. “А я живу” – зачем-то соврал я. “Не верю.” – хищно улыбнулся друг, и тогда я тоже затушил сигарету в стеклянной банке. Из-под майонеза.

А вчера было холодно. Я вышел в похмельи на улицу и тоскливо влачил свое брэнное существо по длинному осугробленному тротуару, лениво разгребая руками морозный колкий воздух. Я шел и был никому не нужен. Вернее торгаши еще обманывались на этот счет, они предлагали мне цветы, духи, газеты, презервативы, ракеты, кометы, пометы, девочек, бабушек. Но мелочи у меня в кармане не было. А без нее я им возможно нужен не был.

Я остановился у полосатого ларька-дорогушника. Посмотрел на усталого от жизни и чужих денег, сидящего в шубе, замерзшего и потому нахохлившегося продавца и спросил... Нет, я не сразу его спросил об этом, сначала его надо было пробудить к жизни. Поэтому я сказал пароль: “А почему у тебя баксы?” А уже потом, углядев в глазах его ковыляющие мысли, спросил просто и с достоинством: “Слушай, скажи – я тебе нужен? Нет, я ничего не хочу продать. Покупать тем более. Нет, мы с тобой не встречались. Нет, я не мент. Нет, и не этот. И даже не из братвы... Просто... да нет, мы не знакомы, просто скажи мне честно – я тебе нужен? Просто как я?”

42

Тот свет по прежнему прожорлив,
А наш – все так же плодовит,
В чем помогают нам арабы,
Китайцы, негры и индусы.
Так что подмены нам найдутся,
Хоть непривычны на обличья,

Но в этом доля наша птичья –
С листа слетаем постранично,
И стаяй нас сдает в архив
Старуха с мраморной косою.
Зато нас галочкой пометит,
Хоть этим, курва, не обидит.

КУХОННЫЕ СТАНСЫ.

В городе ветхом на кухонной табуретке
Сидишь как на жердочке, ждешь чаю,
Мокрая ветка, рябины, – сверху
К форточке ведьминным пальцем свисает.

Тот взыскующий перст, вероятно,
Тебе о чем-то напоминает,
Но не о нас- нас нет в этих святцах,
Чайник бормочет невнятно, вскипает.

Раскосые улицы валяются к молу.
Скоро дунут ветры и кто их удержит?
Они разлетятся как стайки голодных,
Сварливых чаек за побережья.

15

Пальцы месят мякиш хлебный как глину,
То человек в нем мелькнет, то копыто.
Недавно был год как тебя я покинул,
Вернуться – ан нет, увели и корыто.

Такие дела, за окном кипарисов

Не видно, а, впрочем, и не было вовсе.
На рынке торговли лабают по Брехту
Очередную кипучую осень.

А лириков нет. И повинна в том Лета:
С ее аппетитом погост не сравнится,
Уплыли в нее все созвездия света
И даже страна, где мечталось упиться.

Она запятой затерялась во фразе,
Где “Казнить нельзя помиловать”,
Качаясь на тоненькой нити синтаксиса,
Накрученной туго на Божию милоть.

ПОЛДЕНЬ. ГРЯЗЬ. НОЯБРЬ.

Отставной бригадир промышляет разбоем,
Сын его в дряхлой телеге обозной
Чеканит ордена с шикарными усами
Папашки, вышагивающего изгоем
С бригадным глухим барабанщиком
По большим дорогам истории.
На обочинах скользко и полно усопших,
А в горизонтах глупо и бессмысленно
Ютятся золотые в карманах прохожих,
Лениво напрашиваясь на выстрел.
С лица мамыши, прикорнувшей на облучке,

16

быть счастлива эта дурнушка, которая глупо мерзнет и бьет сапожками нога о ногу, пытаясь выбить из сапогов глупый мороз. А он стоит у ее глупого развала и умно перебирает книги. И я чуть не плачу от досады, что вот она и глупа и недостойна быть в лучах

его, а тем не менее все-таки стоит в метре от него, а я скучаю в бабушкином кресле-качалке. А он уходит все дальше и дальше. Но я все равно пускаю по его следу маленьких сереньких мышек глаз моих и благоговею, осязая, что он шел здесь.

Я перебираю какие-то вещи. Просто и бессмысленно – с места на место. Потом вдруг начинаю двигать кровать, стулья, ковры... Он придет, а я лежу под тяжелым одеялом такая маленькая на такой большой кровати. И он увидит – я жду его. И только его. Я приготовила ему суп. Его любимый суп-харчо с черносливом. Я выгладила его рубашку. Как я хотела бы быть его рубашкой, ты не представляешь себе. И он никогда бы не простывал... Ой, когда он болеет – это ужасно. Я не нахожу себе места – у меня бьются тарелки, стаканы, окна, часы, зеркала. Но он выздоравливает и к нему вновь возвращается солнце.

Детей привели на стройку. Группой на экскурсию. Их встречает прораб, раздает каски и гонит пургу про то, как недавно один мальчик, причем двоечник, гулял по стройке без каски, а сверху упал кирпич и мальчик умер. А за ним шла девочка, но в каске, конечно, кирпич упал на девочку, а она улыбнулась и дальше пошла.

И только Вовочка знает эту улыбку – девочка до сих пор ходит по его квартире в каске и улыбается, улыбается, улыбается. Улы-ба-ет-ся, дура.

А жена мне вчера по телефону сказала, что жить без меня не может. Она недавно была наконец влюблена. В моего друга. И с тех пор поняла, что без меня не может. Странная все же это субстанция женская логика.

Она сказала мне: “Вовочка, я тут поняла, что такое любовь. Нам такого не надо!”

41

жены. Не держите жену на привязи. При заражении ее рефлексивностью срочно обращайтесь к ветеринарному врачу. Только правильно выращенная жена будет в конце концов хорошей женщиной, лучшим другом человека.

3. Своевременно приступайте к натаске и нагонке.

4. Выставляйте ее на выводках, выставках и испытаниях.

5. Не допускайте бродяжничества своей жены. Ежегодно делайте прививку против бешенства. Соблюдайте правила содержания женщин.

6. Вязку регистрируйте в обществе друзей-охотников и на детей получайте справки о происхождении, которые передавайте далее по инстанции.

7. Вступайте в члены секции охотничьего женоводства при обществе друзей-охотников для участия в работе по разведению и улучшению пород охотчих женщин.

– Вот так и бывает. Он уходит на работу. Я встаю, обязательно встаю. И что-нибудь ему готовлю. Самое смешное – мне нравится готовить ему. Я его спрашиваю, например: “Что бы ты хотел?” А он скажет: “Пирожок”. И все! Я делаю ему пирожки.

И мне нравится это. Ну вот ты смеешься... Не знаю. Мне просто до дрожи приятно видеть как он будет его есть. Ведь это мой пирожок. Я его сделала. И, ты знаешь, я просто физически чувствую как я овладеваю им.. Ну-у, ты опять смеешься, да не пирожком же, конечно. По-моему, это единственный способ того. как женщина может обладать мужчиной. Да, да! Через этот самый пирожок, и он победно проникает, пронзает его.

А потом он уходит. На работу. А я жду. Я представляю – вот он идет по гулкому подъезду, открывает дверь. Дверь противно скрипит и я ее ненавижу. Как она смеет скрипеть в его присутствии? Он идет по улице Герцена, светит солнце. Это обязательно – солнце. Ну не может быть, чтобы он шел по улице, а солнца не было. Навстречу попадают какие-то люди, а я сижу в кусачем кресле обнаженная и завидую им, какие они счастливые – они могут видеть его. Как должна

40

Разлетаются к югу косяками морщинки.

“Да будь вы счастливы” – кричит. При случае

Грозит указательным крючком мужчинам,

Коими всегда исполнена дорога.

Пьющим пиво, помахивающим бутылкой,
“Будь..счастливы” – свистит вежливо гаррота,
“Будьте покойны” – уточняет пуля.
И с каждой потерей нас становится больше,
И с каждым трупом я понимаю все больше
Какой момент истории хлещет из рваной глотки
Юнца, распластанного в колее обозной.

Я знаю – это клинопись сапог
на белом мраморе дороги
Телеграфирует воронам
паденье Храма Хаммурапи
На кучи прелыя навоза.

ГАМЛЕТ.

Так жаждется оцепенения у будки. Псиной у моста,
В грязь, в оттепель так хочется проснуться
Словно бы в тепле и не был от рождения,
Что отдало меня тебе вовек, о, будка! Наш спаситель
Хоть и не хотел, но тянется душа тревогой волосатой
К полосатой робе.
Так нас утешь под Гомелью кобылой в ковыле,
Откобелись от пуза до лодыжки,
Спасенной мрачными водами Стикса взамен
Ненужной головы. Спасибо.
Хочется уснуть и видеть сны.
И в полусне с собою полудохлым положить
Отары девичьих сердец, что блееньем своим

17

Меня сведут подале и подоле, по воле
Нужд их, наконец.

И так, сползая вполутьме к низам,
Хлебнуть, повеситься и видеть сны
Цепочкой выскользящих событий, и не взвыть - лизнуть
Доящую ладонь и с сухарем в зубах под гнутый серп Луны
Нырнуть, пусть рубит горячее. Уснуть... и видеть сны
В дрожащем зеркале глазницы одинокой унитазы.
Люби меня, растрепанная мать,
Всею глубиной усталого погоста.

Ты ступаешь по берегу робкой ногою,
Видно путаешь эти пески с минным полем.
Завтра ветры уйдут, опять не отспорив
Ни куска этой тусклой полоски у моря.
Завтра выйдут волны черпать сквозь сита
Рыбаки на разбухших соленых корытах.
А вернутся ни с чем – будут битыми стекла,
Собаки, суставы и просто прохожие...
Работы прибавится, мой Эскулап.

18

КОРКИ.

- Мужик, дай сигарету!
- А волшебное слово где!?
- В ухо хочешь?

И тогда объявили, что не будет более войны, и все могут разойтись по домам. И колченогий, истерзанный зубами Марса старик, стеноя, разрывая на себе остатки волос и плача как малый ребенок, закрыл двери Храма Войны. И сытые вернулись к своим баранам и жадно журчащим сковородкам; нищие бросились к папертям, драли на себе одежды и пытались за свои рубцы и выбитые зубы получить у своих сограждан хлеба и питания; дети же взяли у своих родителей луки и копья и ушли в лес, где тайно учились убивать. Но герои, будучи уже готовы надеть терновые венки, жаждали дать земле влаги из своих набухших аорт. Но некому было освободить их от взбесившейся крови, но некуда им было пойти в Городе, но нечем им стало занять воинственные руки – ибо были они героями и умели лишь убивать и быть убитыми. И бродили они по Городу, обливаясь пьяными слезами, и не давали жизни ни сытым, ни нищим. Искали они того, кто привел Город к столь ужасному испытанию, но не было его пред глазами, и били они с горя окна сытых граждан и разбивали в кровь морды нищим.

Вечером, когда на западе полыхнули зарницы и был по всему небесному куполу гром великий, вышла река из берегов, залила река Город, и до утра искали жители в черной воде близких своих. Было утром знамение, птицегадатели пытались скрыть его от народа, за что и были разорваны вконец упившимися героями.

Так прошли первые сутки без войны.

Памятка владельцу жены.

1. Зарегистрируйте жену в обществе своих друзей-охотников. Регистрации подлежат только те женщины, которые получили оценку экстерьера.

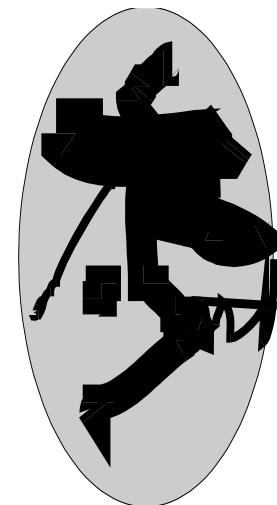
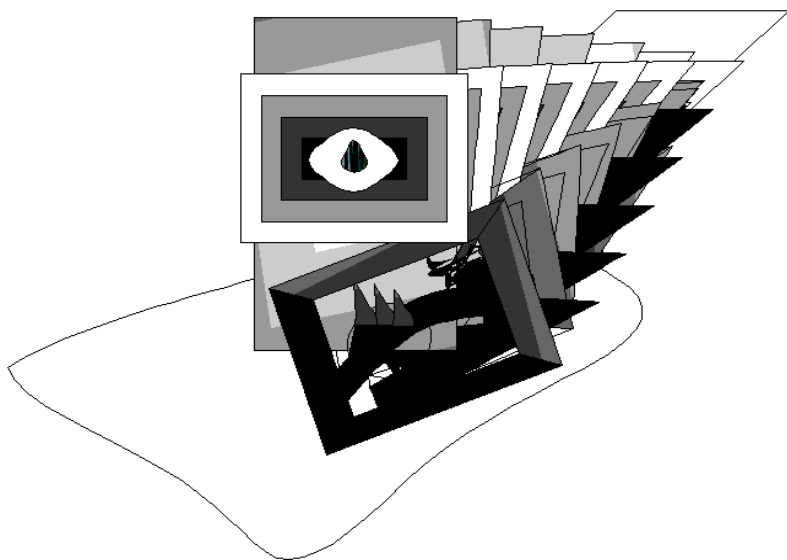
2. Следите за ростом и развитием жены. Правильное кормление и содержание – залог хорошего роста и развития

ЖЕНЕ.

Твоя скрипка вновь избыла приключение во звуке,
 И опять тебе взгрустнулось – теребишь рукою платье,
 Все считаешь неоплатным долг прелестнице Евтерпе,
 Что дарует тебе гаммы, но она сдерет проценты
 И к твоим печальным гимнам приплюсует мой сонет.
 Вот и шляйся за тобою на скрипичные концерты.

В темноте, как две овечки на призыв дуды пастушьей,
 Наши души выйдут в вечер посидеть вдвоем на лавке,
 И закурят сигареты, удивляясь дикой стуже.
 Убеляя все на свете, с неба тальк польет беспутный,
 Значит кто-то там родился, будем мы не одиноки:
 Принесем на утро краски – он нам нарисует лето.

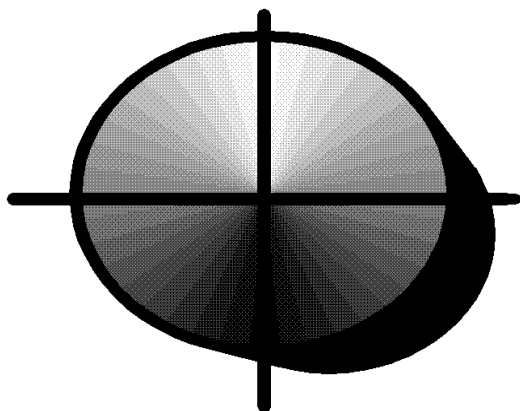
Жизнь зашла за половину, я бреду в ночи наощупь,
 Так и скроюсь от могилы, скрипкою твоей ведомый.

20

ДВА РАССКАЗА

37

Бертольд Брехт
Бертольд Брехт
Бертольд Брехт
Бертольд Брехт
Переводы
Переводы
Переводы
Переводы
Переводы
Переводы
Тадеуш Ружевич
Тадеуш Ружевич
Тадеуш Ружевич

с косою золотой толстой
снится ей - жбан разбила
или нашла свой ключик
или порвала платье

а я знаю вкус корицы
знаю лишь вкус корицы
но вижу стран дальних экзотику
где банановые деревья
где деревья растут сандаловые
и вот уж бедная моя голова
бедная голова. Из фильмов двух
и немногих книжек
бесцветный рисую ландшафт
(не смейтесь все ж иностранцы
особенно красотки из журналов
французских и американских):

Пальма может две пальмы
и островок округлый
так нелегко разглядить
в памяти образ неясный
но я добавляю тигра
который похож на Мурку
и ананасов пару
я ананасы видел еще до войны
у Розенберга в лавке

Он уверен, что вовремя схватит
Тебя, лишь реснички моргнут.

6.
Каждый вечер стоит и шпионит,
И смотрит в твое окно -
После все тебе и припомнит,
Оскорбленный улыбками он.

7.
И была у тебя отрада,
Ты смеялся, почти не дыша,
Сладким звукам его органа,
Игравшего траурный марш.

8.
И он в ярости брызгал лазурью
От тихой насмешки, в ответ
Поджимал свинячие губки,
Что не красило вовсе портрет.

9.
А теперь ничего нет милее
На смертном одре когда
Ведет сквозь бред к этой двери
Тебя фиолетовый брат.

ДОКЛАД ОБ ИГРЕ В САЛКИ

Написал он как-то книгу
 Я этим по горло сыт.
 Семью семь там втиснуто
 Заповедей внутри.

1.

Страшный гость моей детской спальни,
 Жадный до молочных рек,
 Являлся ко мне с веткой яблони
 Фиолетовый человек.

2.

К его тонким ногам припадая,
 Я, воли лишенный, смотрел
 Как он голубя белого гладил
 Как он довольно сопел.

3.

Он не против даров некрупных,
 Он помалу тебя пьет как клещ,
 И если б ты мог вскинуть руку
 Он свалил бы до новых встреч.

4.

Так что простись с собой, парень,
 Не тешь себя лживой мечтой,
 Что недвижимый ляжешь на камень -
 А он разминется с тобой.

5.

Он со взором спокойным и ясным
 С прибаутками бродит вокруг -

Розенберг же теперь не увидит
 острова Тихого океана
 Украинцы настигли его в уборной
 умер захлебнувшись калом
 не трудитесь себе представить
 смерть Розенберга в местечке
 под Петрковым в Польше
 прекрасные чужеземки с оголенной
 белоснежной грудью
 господы со двора св. Якова
 (читал о дворе этом в "Echo").

Что за убогость в эскизе
 остров пальма и тигр
 перечислю остаток
 мной вообразимых элементов
 экзотического ряда:
 кит жемчуг и негр
 вице-король Индийский
 фи́га (фиговый плод вернее)
 страус и гитары Гавайев
 да да и этим закончу.

Я озираюсь по комнате
 жбан на столе стоит белый
 неожиданно приходят мысли
 о Луне но никогда никому
 этих дум я не выскажу
 и все же полжизни ушло
 (у нас помирают к 50-ти)
 эти страны моря острова

неизъяснимо мертвы
как Луны холодные в лужах.
Я спокойно касаюсь боком
23

женщины с косой золотистой
я знающий единственный вкус
корицы вкус экзотический
серый человек с каменным
воображением неумолимо малым
как камера.

МЕСЯЦ СВЕТИТ.

Месяц светит
улица пустая
месяц светит
человек убегает

месяц светит
человек упал
человек угас
месяц светит

месяц светит
улица пустая
лицо умершее
воды лужа.

24

Он рвался к концу дороги чужие роняя кости,
Но в конце наградой мигнул ему холм на погосте.

5.

Наш Франсуа Вийон был хитростью погублен,
Скрутили его быстро, на виселицу проводили -
Но душа его, мерзавка, так же кусает судей,
Летает она песней там, где его не впустили.
И когда на носках из петли он за песней правил,
По размышлении тяжком открыл он ворота рая.

О ФРАНСУА ВИЙОНЕ

1.

Был в нищете рожден Франсуа Вийон
 Качали его люльку ладони сквозняка.
 Кусками небо сочное он жрал, сбегая вон
 С уроков Беспольности на мессы Пустяка.
 Франсуа Вийон, никогда одеяла не знавший,
 В прекрасное был посвящен ветром хрипящим.

2.

Босые его ступни до крови щебенка кусала
 И что, чем меньше камень, тем метче его значенье,
 Он понял еще ребенком, швыряя песок в русалок,
 А первая его дама обучила в кустах комедии.
 Когда с колючего ложа он встал, потянувшись сладко,
 Увидел свою дорогу, с тех пор она стала прекрасной
 его дамой.

3.

Подойти к столу Божьему было ему невпролом,
 И не слетала если с небес в его руки манна,
 Дырявил тогда мужчин он рапирю и ножом,

Но когда их душил гарротой, был для петли приманкой.
 Так ему на это плевать, пусть целуют его задницу,
 Говорил он, пожирая барана в таверне по пятницам.

4.

Небеса ему не мигали наградой непостоянной,
 Жандармы ему помогли освободиться от гордости,
 И все же сыном божьим он тоже был, как ни странно,

АНГЕЛ ПОВСЕДНЕВНЫЙ.

Рыдал ангел в буфете
 на улице Крупничей
 ангел в берете,

что вырвали из ладоней
 меч-кладенец лучистый,
 и что язык заплетается,

и что забыл Кохановского
 и Шажыньского Сепя.
 И стало кругом уныло, серо

и только с молчанием - золото
 как святые лучи с фавором,
 а с чертом кровавая метка.

В Иордане сады с оливами,
 и хромоногий лукавец,
 дозорный добрый и дивный,
 желтым пальцем слезу утирает.

Ангел шел и падали розы,
разверзались раны и хляби,
росой небеса разрыдались...

25

ПРИЕЗД ДЕДА.

Любимому старику посвящаю

Отец к нам приехал
Жена - говорю - ставь нам рюмки
Старик до костей весь вымерз
А нужен на кой ляд
нам ледяной дед?

Дед потирает руки
разговор начинает с погоды
"да не надо моя душка
я не голодный"
крадется как кот к раскладушке
а в ней голубая подушка
а на подушке внук
стук стук стук
серыми глазками Янек
о чем-то ему мигает
На столе свистит керосинка

Дед: "керосин все дороже"
и к столу садится
одна вторая третья
и такое тепло растекается
такая глыба льда тает
три да три кто считает
дед мне говорит
"у коня ведь четыре ноги"
потом говорит
"угла четыре да печь пята"
а за пятым такую песню
дед запеваает
"ой да что за хозяин
без двора и без бани..."

26

БЕРТОЛЬТ БРЕХТ

МАЛЕНЬКАЯ ПЕСЕНКА

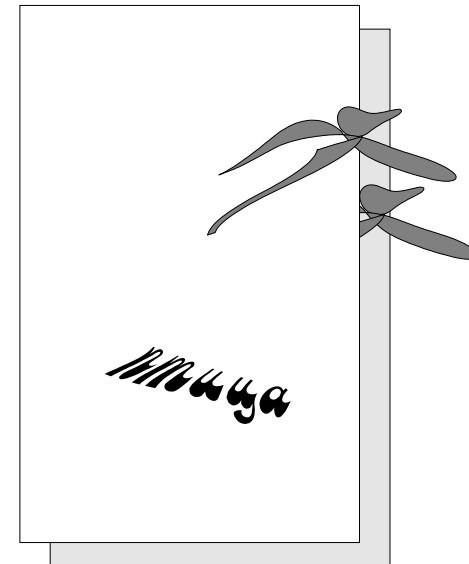
1.
Жил-был один мужчина
Так очень много пил он
Аж с молодых ногтей. И вот
Ногами выносят его вперед.
Восьмой десяток лет ужасно
Бедняга мучился напрасно.

2.
Жил-был один ребенок
Он резвый был с пеленок
Лишь год ему минул. И вот

Ногами несут его тоже вперед.
Не пил он - это ясно,
И прожил год напрасно.

3.
Познать мораль теперь изволь
Сколь неопасен алкоголь...

31

30

затем молодость вспоминает
деревушку малую
разные страны
о том как был в Петербурге
жил в Сибири в юртах
кумыс попивал с киргизами
а быть бы ему органистом
о дамах бабах замужних
о благородных княгинях
что белы пухлы как голубки
сами подставляли губки

Дед десяток седьмой меняет
не меняет скорее мотает
этим десятком как тростью
учит
"жизни этой воз тяжеленный
всяк возница неспеша толкает"

К раскладушке вновь со стуком
на руке поднимает внука
чего тот ему мурлычет
о чем-то дед с ним гогочет
целует в серые глазки
за окном ему кажется салазки
резные

27

А потом пора и в дорогу
все мы дедушку поцелуем
и приглашаем к святкам
Жена говорит
"тогда дедушке может быть скажет
Янек первое слово людское"

Янек на подушке согласен
кивает...

ПЬЯНЫЙ ЮЗЕК.

Юзек лежит под забором
продал корову
пьет всю неделю подряд
спирт в нем все повыжег
кричит страшно
в глухой канаве
видит таких тварей
дети его окружают
так интересно
как с ума Юзек сходит
сходит он на карачках
руку подымет
шатается
и не знает
что солнце стреножил Коперник
руку тянет
падает
давайте его поддержим
добрые люди
поставим его на ноги
добрые люди.

28

СКАМЬЯ.

Скамья эта мне знакома,
на ножки доска прибита,
видятся там две литеры,
в этом гротеска основа:

ибо буквы совсем не наши,

и дощечка эта от гроба,
а сердца у меня нет боле,
улетело из ран на волю.